

■ Российское общество сегодня

Ю. В. Латов

АНТИЗАПАДНИЧЕСТВО ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ МЕНТАЛИТЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЯН (по данным социологических опросов)¹

DOI: 10.19181/snsp.2017.5.4.5522

Латов Юрий Валерьевич — доктор социологических наук, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН. 117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5; профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. 125993, Россия, Москва, ГСП-3, Ленинградский проспект, 49; главный научный сотрудник, Академия управления МВД России. 125171, Россия, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8
E-mail: latov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается рост антизападничества — негативного отношения к странам Запада — в сознании россиян в 2000–2010-е гг. Современное осмысление взаимоотношений России и Запада анализируется прежде всего в контексте обсуждения угроз безопасности России. Автор подчёркивает, что в начале 2010-х гг. произошла скачкообразная «делиберализация» внешнеполитического менталитета, и сегодня главным лейтмотивом общественного сознания в осмыслении угроз национальному развитию страны является конфронтация России и Запада. Для уточнения объектов и динамики антизападничества далее анализируется отношение россиян к различным странам мира. Обнаружено, что страны Запада оцениваются в общественном сознании по шкале позитивного восприятия ниже, чем почти все страны Востока (даже ниже Японии, которая участвует в санкциях против России). В то же время наблюдается существенная дифференциация в отношении россиян к западным странам. Современное российское антизападничество — это в первую очередь антиамериканизм, негативизм по отношению к США. Даже ближайшие союзники США из стран ЕС (как, например, Великобритания и Германия) оцениваются более позитивно. При этом в умонастроениях граждан России нет образа «страны зла»: россияне готовы, независимо от истории прошлых конфликтов, давать не слишком критические оценки любой стране, которая в настоящее время поддерживает невраждебные отношения с Российской Федерацией (как, например, Грузия). Российское антизападничество, таким образом, хотя и обусловлено в значительной степени «столкновением цивилизаций», но сильно зависит от политической конъюнктуры и может варьироваться в относительно широких пределах.

Ключевые слова: Россия, общественное мнение, внешнеполитический менталитет, угрозы безопасности, антизападничество, антиамериканизм, «столкновение цивилизаций».

¹ Эмпирическую базу настоящей статьи составили данные мониторинговых исследований ИС РАН 2013–2017 гг. «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» по общероссийской выборке (N=4000), репрезентирующей население страны по региону проживания, а внутри него — по полу, возрасту, уровню образования и типу поселения. Привлекались также результаты исследований других социологических центров.

Для граждан любой страны первостепенно важны внутренние проблемы национального развития, а вопросы мировой политики находятся на периферии их внимания. Однако для так называемых великих наций (многочисленных, с высокими историческими заслугами) вопрос о месте страны на международной арене становится важным, существенно влияющим на национальное самосознание.

Конечно, имеется в виду не объективное место страны в условной международной «табели о рангах», которое с немалым трудом могут определить даже профессиональные обществоведы, поскольку для его определения нужно учитывать много критериев. Речь идёт об образе своей страны в массовом сознании нации. Этот образ во многом субъективен и отличается от объективной картины, однако, как справедливо заметил американский социолог Уильям Томас, «ситуации, определённые людьми как реальные, реальны по своим последствиям»¹. Именно этот образ страны/нации в массовом сознании становится важным фактором восприятия гражданами существующей социальной реальности. Он затем оказывает сильное влияние и на внешнюю политику страны (с кем или «против кого» дружить), и на её внутреннюю политику (с каких зарубежных стран брать пример, и брать ли его вообще), то есть массовое сознание в известной мере формирует коридор возможностей для национальной политической элиты.

Вопрос о месте России в мире, таким образом, постоянно находился в сфере пристального внимания как национальной политической элиты, так и — в значительной степени — обычных россиян. Причём в российской политической культуре на протяжении последних двух-трёх веков (примерно со времён Петра I) чётко прослеживаются два альтернативных подхода к определению приоритетов внутреннего развития и роли нашей страны в мировом сообществе. Первый базируется на идеологеме исключительности государственно-державной России, её конфронтации с цивилизацией либерального Запада; второй — на идеологеме пагубности педалирования российской исключительности, на необходимости сближения и даже слияния «отстающей» России с «передовым» Западом. История России последних столетий является чередованием волн либерализации и делиберализации при общем доминировании государственно-идеологем².

В первую очередь это связано с тем, что по меньшей мере с XV в. Россия объективно играла экстраординарную роль в глобальной истории цивилизаций. Ещё до падения Константинополя она оказалась единственной сильной православной державой,

¹ Благодаря Р. Мертону это утверждение получило известность как «теорема Томаса» (подробнее см.: [Merton, 1957: 14]).

² Обзор социально-экономической истории России как конкуренции либеральных институтов, основанных на частной собственности, и государственно-идеологем институтов, основанных на власти-собственности, см., напр.: [Нуреев, Латов, 2016]. Поставив в центр внимания деление россиян на сторонников авторитарно-«патриотического» проправительственного курса (государственников) и оппозиционного ему западноориентированного либерализма, необходимо сделать оговорку. В современном мире сохраняют известное значение идеи социализма/коммунизма, и всё большую роль играют идеи религиозного фундаментализма. Однако в постсоветской России обе эти идеологемы маргинальны. Поэтому актуальный идеологический спектр в России отчётливо биполярен.

а после его падения эта исключительность окончательно была осознана как миссия единственно праведного «третьего Рима». Потом, в XVIII–XIX вв., Россия являлась самой сильной страной догоняющего развития, бросающей вызов абсолютному доминированию стран западноевропейской цивилизации. В XX в. СССР стал первым в мире государством «победившего социализма» и единственным равносильным противником лидеров капиталистического мира – Великобритании, Германии и США.

Хотя российская цивилизация не раз качественно меняла свои идеологические приоритеты (сначала – православие и самодержавие, потом – социализм, в последнее десятилетие – идеология «священной державы»), она всегда оставалась «чужой» по отношению к политически-лидирующему Западу. Самопонимание ею своей инаковости варьировалось в широком диапазоне, но в основном – от «другой Европы» до «не-Европы» и даже «анти-Европы». Точка зрения, что Россия – пусть нетипичная, даже «заблудшая», но всё же органическая часть европейской цивилизации, хотя и присутствует в российской культуре, но очень часто вызывает реакцию отторжения и воспринимается как выражение стремления Западной Европы подчинить Россию и разрушить её самобытность.

Одновременно с этим 600-летняя история взаимоотношений России и Запада категорически не сводится только к взаимному отталкиванию и к взаимной агрессии, как её хотят представить некоторые современные «патриоты». Российская православная цивилизация всегда качественно отличалась от католико-протестантской Европы, но в то же время объективно находилась с ней по одну сторону баррикад в противостоянии с исламской цивилизацией. С эпохи Петра I Россия постоянно сознательно училась у Западной Европы, выборочно импортируя её институты (регулярную армию, секуляризацию, отмену крепостничества, парламентаризм, коммунизм, либерализм). В России на протяжении по меньшей мере четырёх столетий постоянно существовала (главным образом в крупных городах) более или менее обширная группа «российских европейцев», влияние которых на культурно-политическую жизнь государства сильно превышало их долю в населении страны.

Именно в таком контексте – в контексте устойчивого, но далеко не тотального взаимного отчуждения «сталкивающихся цивилизаций» России и Запада, – россияне оценивают страны западноевропейской цивилизации, а жители Западной Европы оценивают Россию¹. В то

¹ Почти четверть века назад классик западной политологии С. Хантингтон дал на удивление точный прогноз: «И если русские, перестав быть марксистами, не примут либеральную демократию и начнут вести себя как россияне, а не как западные люди, отношения между Россией и Западом опять могут стать отдалёнными и враждебными» [Хантингтон, 1994: 45]. Это предсказание относится не столько к России (россияне принципиально не могут перестать «вести себя как россияне», по крайней мере, не в течение жизни ближайших поколений), сколько к «западным людям», которым по-прежнему удаётся поддерживать не-отдалённые и не-враждебные отношения только с другими «западными людьми».

же время осознание качественных отличий России от Запада происходит в нашей стране очень по-разному. Одни, поддерживая нынешний курс правительства, эти различия педалируют и утверждают, будто Запад всегда России вредил, вредит и будет вредить. Другие, ориентируясь на идеологию либеральной оппозиции, склонны такие различия сглаживать и полагать, что, отталкивая страны Запада и перспективу западного пути развития, Россия скорее вредит себе, чем помогает. Между этими интеллектуальными полюсами есть много промежуточных позиций.

Конечно, последовательное «западничество» или «антизападничество» наблюдается в основном в элитных кругах – среди политиков, обществоведов, журналистов и т. д. Обычные люди гораздо менее интересуются тем, «гадит англичанка» или не «гадит». Тем не менее именно общественное мнение определяет в конечном счёте успехи и провалы многовековой конфронтации сторонников и противников западной цивилизации. Чтобы понять, каков в данном аспекте внешнеполитический менталитет россиян (воспользуемся удачным термином С. В. Чугрова¹), обратимся к результатам общероссийских опросов, которые проводит ИС РАН (прежде всего в рамках многолетнего проекта «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах»²).

Современное осмысление взаимоотношений России и Запада чаще всего происходит в контексте обсуждения угроз развитию России. Проправительственные «антизападники» считают, что основные угрозы для России исходят из-за рубежа – главным образом от сильных (в основном западных) стран-противников, стремящихся ослабить нашу страну³; при этом даже несомненно опасные террористы-исламисты нередко трактуются как неясные «агенты Запада». Либеральные же «западники», наоборот, видят главные угрозы внутри России (коррупция, авторитаризм) и связывают их как раз с отходом от «нормального» западноевропейского пути развития. Промежуточные позиции – приоритет внутренних угроз у «патриотов» и тем более акцентирование внешних угроз либералами – встречаются довольно редко. Это связано с тем, что в современной России «патриоты»

¹ Под внешнеполитическим менталитетом понимается та «часть самосознания и самоощущения общества, которая относится к проблематике международных отношений и, в частности, к политической самоидентификации по отношению к окружающему миру» [Чугров, 2007: 56].

² Исследуемый объект – общественное мнение россиян о зарубежных странах – можно анализировать и по данным других социологических опросов (см., например, [Попов, 2015]).

³ Симптоматично, что в последней государственной стратегической программе национальной безопасности – в «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» – заявлено: «К основным вызовам и угрозам экономической безопасности относятся: 1) стремление развитых государств использовать свои преимущества в уровне развития экономики, высоких технологий... в качестве инструмента глобальной конкуренции» (пункт 12 «Стратегии...» – см. [Указ Президента..., 2017]). Про «исчерпание экспортно-сырьевой модели экономического развития», которое академическая экономическая наука считает самой главной проблемой национального развития, в «Стратегии» тоже говорится, но как об угрозе существенно меньшего порядка, чем о «вредных» стремлениях развитых государств.

и «западники» позиционируют себя в первую очередь с точки зрения отношения к существующему государственному режиму, который одни стремятся поддерживать, а другие хотят «свалить» (качественно изменить). Граждане страны при этом рассматриваются скорее как объект пропагандистского воздействия, чем как реальный (тем более – главный) политический субъект со своими объективными приоритетами, частично (но далеко не полностью) совпадающими с приоритетами правящего режима. Хотя гражданское общество в России действительно ещё не играет весомой роли, однако «мнение народное» всё же есть, в том числе и по вопросам приоритетов национальной безопасности.

Во время опросов ИС РАН с конца 1990-х гг. респондентам регулярно задавался вопрос, с каким суждением они согласны в большей степени: с тем, что основные угрозы для России исходят из-за рубежа, или с тем, что они находятся внутри страны. Почти двадцатилетняя динамика ответов на этот вопрос (см. рис. 1) показывает явную «делиберализацию» общественного сознания, которая сначала постепенно усиливалась, а затем, в 2014 г., «шелчком» перешла в новое качество.

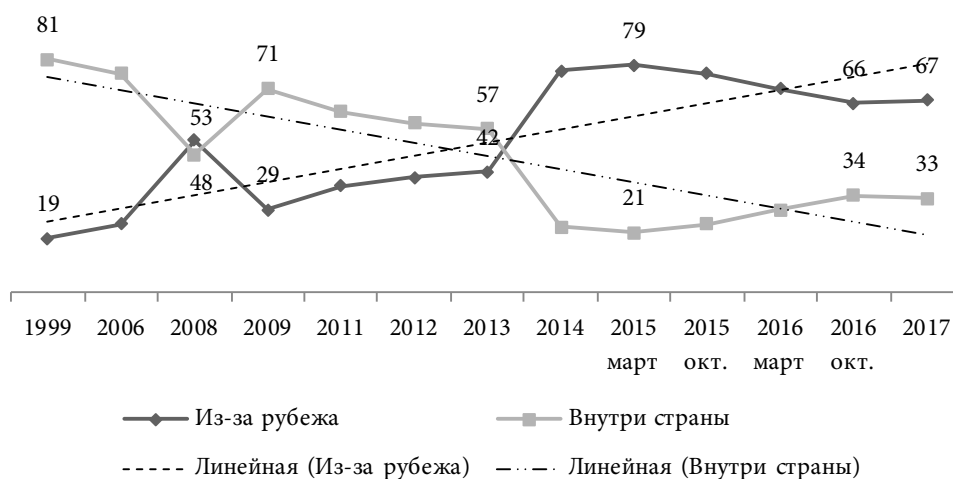

Рис. 1. Динамика оценок россиянами основного источника угроз для России и их линейные тренды, 1999–2017 гг., %

Победа либеральной идеологии сформировала ещё в конце советской эпохи мнение о безусловном приоритете внутренних угроз (бюрократизм, национализм, бедность), которые воспринимались тогда как последствия тупикового советского развития. Хотя после ухода Б. Н. Ельцина с поста президента либеральная идеология начала сдавать позиции, однако это происходило медленно. Лишь во время конфликта с Грузией в 2008 г. на короткое время внешние угрозы стали восприниматься россиянами как наиболее значимые, однако затем на несколько лет восстановилось преобладание прежней точки зрения.

Доминирование мнения о примате внутренних угроз до 2014 г. хотя и сохранялось, но постоянно уменьшалось — с 71% в 2009 г. до 57% в 2013 г. Линейные тренды восприятия угроз показывают, что их пересечение — выравнивание долей противников и сторонников примата внутренних угроз — должно было произойти примерно в 2013 г. Массовые протестные выступления 2011–2012 гг., которые должны были усилить озабоченность россиян внутренним развитием страны, видимо, отодвинули это пересечение, но не предотвратили его.

В 2014 г., с одной стороны, резко негативное отношение Запада к действиям России в Крыму и в Донеске вызвало у подавляющего большинства россиян, вполне разделявших идею русского единства, ответный антизападный негативизм¹. С другой стороны, когда вскоре после «крымской весны» начался национальный экономический кризис, то антироссийские санкции стали очень удобным (для власти) его объяснением, хотя, по оценке экономистов, падение мировых цен на нефть, мало связанное с противостоянием России и Запада, оказало на кризис гораздо более сильное влияние. Воскрес старый (ещё со времён Александра Невского) архетип российской цивилизации: страна осаждена внешними врагами и должна сплотиться вокруг вождя, оставив на потом обсуждение, как же она умудрилась попасть в «кольцо врагов».

В результате социологические опросы зафиксировали в 2014 г. скачкообразное изменение общественного мнения о соотношении внутренних и внешних угроз для России. В отличие от российско-грузинского конфликта, эта «смена вех», связанная в первую очередь с событиями вокруг Украины, оказалась и более выразительной, и гораздо более стабильной. Если сравнить предкризисный 2013 г. с пиком кризиса в 2015 г., то за это время почти в 2 раза выросла доля считающих основными угрозами те, которые исходят из-за рубежа; одновременно почти в 3 раза упала доля тех, кто считал основными угрозами России внутренние. Поскольку большинство россиян считали основными внешние угрозы (прежде всего от стран Запада), происходило сплочение нации вокруг существующего политического режима — «формирование оборонительного уклона в умонастроениях значительной части населения страны», как описали этот процесс участники проекта «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» по итогам первой волны опросов [Петухов, Седова, 2015]. Либеральная оппозиция, которая двумя годами ранее надеялась на российский вариант «цветной революции» (ненасильственной смены авторитарной власти), резко маргинализировалась.

Когда в 2016 г., по мнению большинства экспертов, кризис завершался (перейдя, правда, не в оживленный рост, а скорее в вялую депрессию), то казалось, что пик доминирования мнения о первичности внешних угроз, который пришёлся на начало 2015 г., останется в прошлом, а российское общество вернётся к докризис-

¹ Во время первой волны опроса осенью 2014 г. лишь 9% респондентов отрицательно отнеслись к воссоединению Крыма с Россией и 11% одобряли антироссийские санкции западных стран. Это соответствует тем примерно 10–15% россиян, которые образуют группу наиболее упорных приверженцев либеральных взглядов.

ному мнению, что внутренние угрозы всё же важнее внешних. Такое ожидание соответствовало наблюдениям социологов, что «объединение вокруг флага» (*rally around the flag*) во время общенациональных кризисных ситуаций, связанных с внешней политикой, продолжается не слишком долго, до полугода [Казун, 2017]. Однако, в отличие от событий 2008 г., которые действительно породили лишь временные флуктуации общественного сознания, события 2014–2016 гг. вызвали перемены «всерьёз и надолго». Видимо, это связано с тем, что в данном случае кризис наложился на ранее сформировавшуюся тенденцию «делиберализации» российского общества.

Правда, прекращение кризиса всё же вызвало определённый возврат к докризисным настроениям. Действительно, за полтора года, с марта 2015 г. по октябрь 2016 г., почти на 1/5 сократилась доля приверженцев мнения о первичности внешних угроз (с 79 до 66%) и более чем в полтора раза выросла доля сторонников точки зрения о примате внутренних проблем (с 21 до 34%) (см. рис. 1). Во время анализа пятой волны опроса высказывалось предположение, что если не будет нового витка политической конфронтации, то россияне будут постепенно возвращаться к мнению о первостепенной важности внутренних факторов развития страны [Российское общество..., 2017]. Однако в следующие полгода ситуация «замерла»: на 1 п. п. (с 66 до 67%) увеличилась доля считающих главными угрозами внешние факторы, и на 1 п. п. (с 34 до 33%) снизилась доля полагающих первичными внутренние угрозы. Такие изменения находятся на грани ошибки измерения, так что правомерно утверждение, что *со второй половины 2016 г. среди россиян сторонники примата внутренних угроз соотносятся со сторонниками примата внешних угроз в устойчивой пропорции 1:2.*

Эта стабильность связана прежде всего с тем, что западные санкции против России оказались долгосрочными, завершение кризиса в условиях сохранения санкций воспринималось как победа над «происками Запада». Поскольку санкции остались, осталось и доминирование мнения, что Запад нам вредит и что наиболее опасны внешние угрозы.

Таким образом, *главным лейтмотивом общественного сознания в осмыслении угроз национальному развитию остаётся конфронтация России и Запада.* «Патриотическая мобилизация» так до сих пор и не сменилась «демобилизацией», власть продолжает с успехом использовать этот эффект «сплочённости перед внешним врагом», который пока не ослабевает.

Различия в социальных характеристиках между теми, кто считает «зарубеж» главной угрозой, и теми, кто считает более значимыми внутренние угрозы, относительно невелики и предсказуемы (см.: [Российское общество..., 2017]). Во время опроса осенью 2016 г. среди

тех, кто считал более важным внутренний фактор, было несколько больше людей с плохим (по их оценке) материальным положением (26%, в то время как среди сторонников точки зрения о «зарубежных происках» их 21%), живущих в крупных мегаполисах (15% вместо 11% в другой группе) и людей молодого (до 30 лет) возраста (24% вместо 20%). Соответственно, в первостепенность зарубежных угроз чуть сильнее верили проживающие в сёлах (23% сторонников этой точки зрения, в то время как среди сторонников противоположной точки зрения 19% сельчан) и люди пожилого (более 60 лет) возраста (22% вместо 18% в другой группе). Сравнение социальных структур сторонников мнения о превалировании зарубежных угроз и приверженцев мнения о первостепенности внутренних угроз показывает, таким образом, что различия между ними хотя и есть, но небольшие (порядка 4–5 п.п.). Это означает, что общая пропорция – верящих в приоритет угроз из-за рубежа вдвое больше убеждённых в приоритете внутренних угроз – относительно одинакова во всех социальных слоях российского общества.

Данный вывод показывает, что если начавшийся в 2014 г. *социально-экономический* кризис (спад производства) завершился, то почти синхронно начавшийся *социально-политический* кризис (рост политической изоляции России в связи с событиями на Украине и воссоединением Крыма с Россией), вызвавший «патриотическую мобилизацию», всё ещё продолжается.

В связи с этим следует обратить внимание на устойчивое восприятие россиянами ситуации в мире на протяжении всех последних лет как по меньшей мере нестабильной (см. таблицу 1).

Таблица 1

Динамика оценок россиянами ситуации в мире,
по данным опросов ИС РАН, 2014–2017 гг., %

Оценки	2014 Октябрь	2015 Октябрь	2016 Октябрь	2017 Май
Ситуация нормальная, обычная	12	8	12	10
Ситуация беспокойная, нестабильная	58	55	56	55
Сегодняшний мир находится в состоянии глубокого кризиса	20	28	21	24
Мировое сообщество находится на пороге катастрофы, всевозможных потрясений	11	9	11	11

Лишь порядка 1/10 респондентов считают общемировую ситуацию нормальной, более половины – беспокойной и нестабильной, а примерно 1/3 – кризисной и даже катастрофической. Здесь во многом наблюдается явная проекция на окружающий мир (по принципу «раз нам плохо, то и всем плохо») проблем внешнеполитического статуса России, как их воспринимают обычные люди. Конечно, миллионы беженцев в Европе, резонансные теракты, война с «Исламским государством» и конфликты между теми, кто сражается с террористами, – серьёзные проблемы, сильно дестабилизирующие международную обстановку, но до «глубокого кризиса» и, тем более, до порога катастрофы – дистанция огромного размера.

Для уточнения объектов и динамики антизападничества следует обратить внимание на отношение россиян к различным странам мира. Ведь Запад, с которым Россия конкурирует уже несколько столетий, вовсе не является монолитом, а состоит из стран с очень разными историческим опытом, современными приоритетами и политическим весом.

Если расположить страны, о которых спрашивали респондентов, в порядке убывания полученных во время последней волны мониторинга положительных отзывов о них (см. таблицу 2), то они довольно чётко делятся на 6 групп – от союзной Белоруссии (71% россиян относятся к ней «в основном положительно») до нашего главного геополитического противника США (13%) и его «приспешников» из ближнего зарубежья (Украина – 14%, страны Балтии – 25%).

Таблица 2

Иерархия отношения россиян к зарубежным странам, весна 2017 г.*

Страны	Отношение россиян		
	В основном положительное, %	В основном отрицательное, %	Индекс оценки
	1	2	1:2
«Хорошие» страны			
Союзное государство			
Белоруссия	71	9	7,9
Дружественные страны Востока			
Казахстан	64	10	6,4
Китай	60	15	4,0
Армения	50	16	3,1
Япония	48	21	2,3
Условно дружественные страны Запада			
Франция	43	27	1,6
Израиль**	41	22	1,9
Страны массового исхода в Россию этнических мигрантов с Востока			
Азербайджан	41	20	2,1
Грузия	35	29	1,2
«Плохие» страны			
Недружественные страны Запада			
Великобритания	34	37	0,9
Германия	34	42	0,8
Политические противники			
Страны Балтии (Литва, Латвия, Эстония)	25	46	0,5
Украина	14	66	0,2
США	13	66	0,2

*Упорядочено по ответам «в основном положительное».

**Хотя географически Израиль – это Ближний Восток, его правомерно относить к Западу с точки зрения цивилизационной и политической принадлежности.

Для лучшего понимания иерархии восприятия россиянами разных стран используем индекс оценки – соотношение долей респондентов, оценивающих конкретную страну «в основном положительно» и «в основном отрицательно». Этот индекс варьируется от 7,9 у Белоруссии до 0,2 у США. Он чётко делит все страны, об отношении к которым спрашивали россиян, на «хорошие» (индекс больше 1, т. е. положительные отзывы превышают отрицательные) и «плохие» (индекс меньше 1, т. е. отрицательных отзывов больше, чем положительных).

Следует обратить внимание прежде всего на то, что, хотя антироссийские санкции осуществляют абсолютно все развитые страны, общественное сознание определённо не включает Японию в число «плохих» стран. Возможно, это связано с тем, что антироссийские санкции считаются инициативой Запада («евроатлантических» стран), а Японию никак нельзя отнести к Западу (хотя эта страна является политическим союзником США и приняла участие в санкциях против России). Однако не исключено и то, что многие россияне заметили информацию о визите В. В. Путина в Японию в декабре 2016 г., по итогам которого некоторые антироссийские меры были нивелированы (в частности, был упрощён визовый режим для россиян).

Что касается собственно западных стран, то россияне хорошо отличают нашего главного геополитического противника – США – от его ближайших союзников (к Германии и Великобритании положительно относятся 34% россиян). Воспринимаемые как менее подчиняющиеся Вашингтону (и, соответственно, менее «виноватые» перед Россией) страны западной цивилизации Израиль (41%) и Франция (43%) вообще попали в разряд «хороших» стран.

В то же время хорошо видно, что *восточные страны всё же обладают в глазах россиян лучшей репутацией*. Можно сказать, что к «потерявшим свои корни» странам Запада россияне относятся критичнее, чем к тем, кто свои «корни» терять не собирается, даже если эти «корни» в некоторых аспектах тормозят модернизацию этих стран. В частности, руководимый компартией Китай (КНР), к которому положительно относятся 60% россиян, имеет в их глазах отличный имидж, до которого далеко любой западной стране.

Парадоксально при этом, что отдалённые от Центральной России восточные страны (Казахстан, Китай, Япония) вызывают у россиян больше симпатии, чем близкие Азербайджан и Грузия. Если относительно негативный имидж Грузии можно объяснить памятью о временах Саакашвили (который «засветился» в недавних событиях на Украине и, видимо, дополнительно подпортил в глазах россиян представление о грузинах), то подобный имидж Азербайджана, который не конфликтовал с постсоветской Россией, объяснить труднее. Возможно, обе эти страны воспринимаются россиянами в первую очередь как страны массового исхода в Россию мигрантов-кавказцев, к которому большинство россиян относится недоброжелательно.

Если рассмотреть десятилетнюю динамику отношения россиян к разным странам, то легко увидеть стабильность принципов классификации этих стран в общественном сознании.

Лучше всего россияне оценивают наших русскоязычных союзников из ближнего зарубежья – Белоруссию и Казахстан, положительные оценки которым постоянно дают порядка 65–70% респондентов (см. рис. 2). Несколько ниже (как правило, 50–60% положительных оценок, хотя в 2011 г. наблюдалось «проседание» до 43%) оценивают наших влиятельных восточных соседей, Японию и Китай, отношения с которыми в постсоветский период являются, несмотря на взаимные претензии и исторические обиды, устойчиво дружественными.

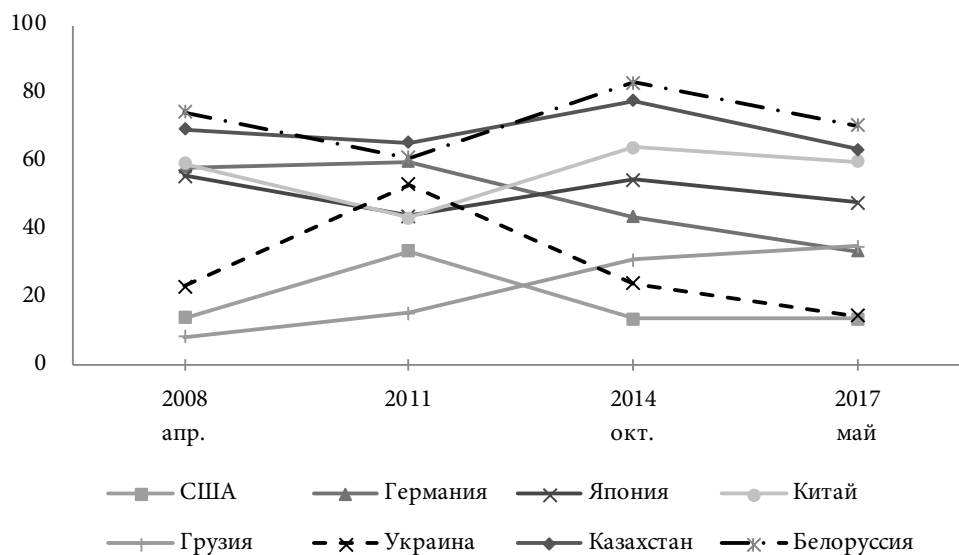

Рис. 2. Динамика положительных оценок россиянами некоторых стран, попадавших в число положительно оцениваемых более чем 50% респондентов, 2008–2017 гг., %

Вполне закономерно, что меньше всего россияне «любят» своих геополитических противников (см. рис. 3). В широком распространении бытового антиамериканизма либералы винят развернувшуюся в 2014 г. активную правительственную пропаганду, доходящую до информационной войны. Следует отметить, что критическое отношение россиян к США не является результатом одних лишь событий последних лет. Было время – в 1990-е гг., – когда подавляющее большинство респондентов давали во время опросов положительные оценки Америке (78% в 1995 г.), но это время давно прошло. В XXI в. в спокойные годы положительные оценки Соединённых Штатов варьируются в интервале 30–40% (самые высокие оценки зафиксированы в 2002 г. – 39%), а во время обострения российско-американских отношений (и в 2008 г., и в 2014–2017 гг.) падают ниже 15% (т. е. «любовь к Америке» демонстрируют только упорные либералы).

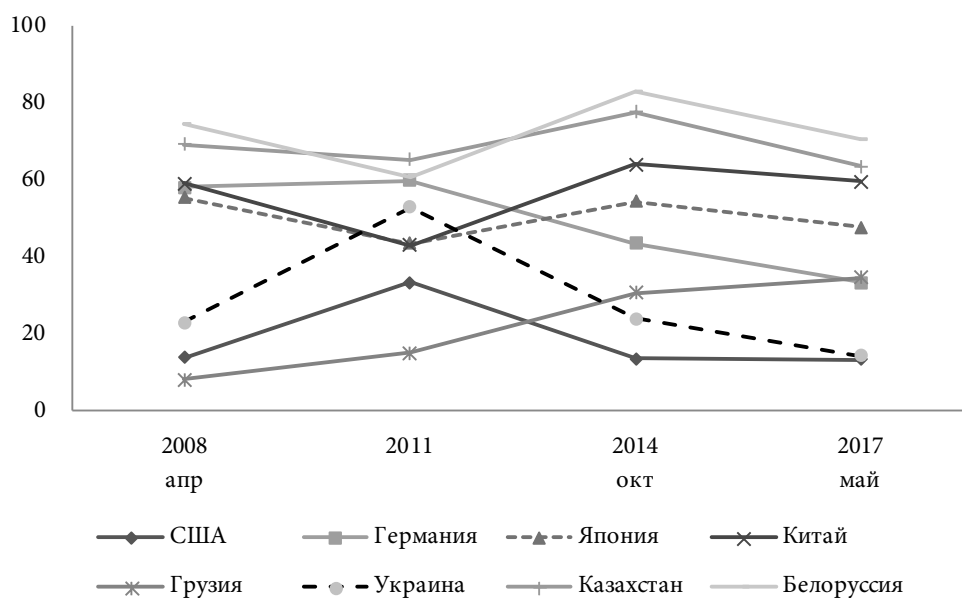

Рис. 3. Динамика положительных оценок россиянами некоторых стран, попадавших в число положительно оцениваемых менее чем 50% респондентов, 2008–2017 гг., %

Следует обратить внимание на довольно сильную дифференциацию в отношении россиян к странам Запада, которая показывает, что политически детерминированное «антизападничество» отнюдь не перерастает в тотальное отторжение всех западных стран. Современное российское «антизападничество» — это в первую очередь антиамериканизм, негативизм по отношению к ведущему политическому противнику Российской Федерации и его союзникам.

Данное наблюдение заставляет уточнить мнение, ранее высказанное участниками проекта «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» по итогам первой волны опроса, что «если 10–15 лет назад понятие “Запад” ассоциировалось с США, то сегодня Европа в лице НАТО и ЕС в восприятии россиян представляются практически единым с США симбиозом противостояния России» [Горшков, Петухов, 2015: 10]. Результаты общероссийских опросов свидетельствуют (см. рис. 4), что различия в восприятии россиянами ведущих стран Запада в последнее десятилетие, наоборот, существенно выросли в сравнении с 1990-ми гг., когда оценки этих стран были действительно близкими (разрыв составлял всего 10 пунктов в 1995 г.). Во время кризиса эти различия хотя и снизились (в 2014 г. Франция оценивалась россиянами на 43 пункта выше, чем США, а в 2017 г. — на 30 пунктов), но отнюдь не исчезли. При этом устойчиво сохраняется восприятие Франции как самой «хорошей» страны, США — как самой «плохой», а имидж Германии и Великобритании колеблется в этом интервале значений.

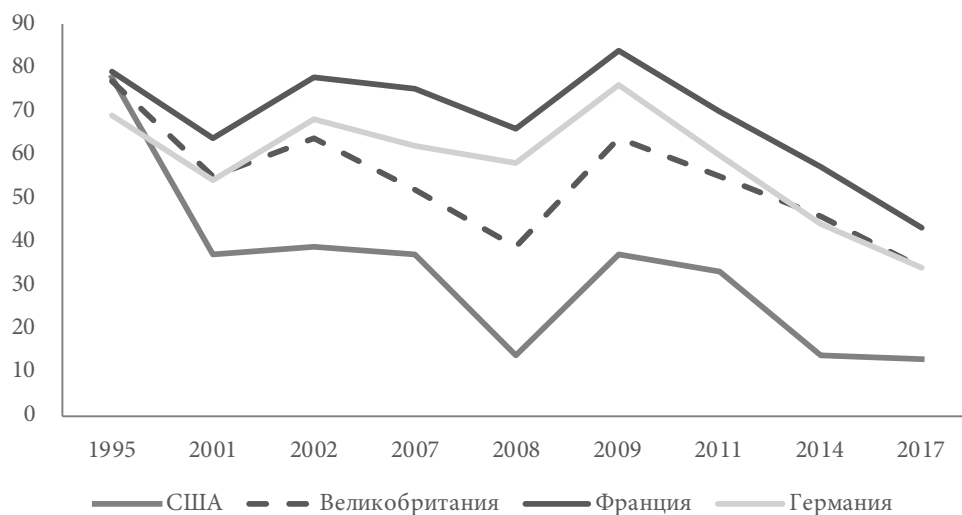

Рис. 4. Динамика положительных оценок россиянами ведущих стран Запада, 1995–2017 гг., %¹

Если страна меняет своё место в ряду «друзей»/«врагов» России, то оперативно меняется и отношение к ней россиян.

Так, в конце 2000-х гг., когда Грузия попыталась бросить вызов российскому правительству, у неё была репутация «хуже некуда» (8% положительных оценок – это примерный показатель сторонников либеральной оппозиции, принявшей западные оценки вооружённого конфликта в Южной Осетии как российской агрессии). Сейчас, когда режим Саакашвили ушёл в прошлое, россияне на Грузию «обижаются» гораздо меньше и относятся к ней примерно так же умеренно критично, как, например, к Германии.

Украина же проделала обратный путь. Если в 2011 г. россияне считали её более-менее дружественной страной и оценивали её более положительно, чем Китай и Японию, то к настоящему времени, после «спора славян между собой» в Крыму и в Донцке, эта страна однозначно воспринимается как противник наравне с США (к обеим этим странам положительно относятся только 13–14% россиян).

Современные россияне, таким образом, сознательно или неосознанно, формируют свою внешнеполитическую картину мира согласно афоризму Палмерстона: у России, как и у старой Британии, нет постоянных врагов и постоянных друзей, а есть только постоянные интересы.

Такая система позиционирования зарубежных стран в общественном сознании россиян показывает *высокую зависимость индивидуальных оценок мнений и текущих политических событий, оцениваемых государственной пропагандой.*

¹ Данные за 1995–2014 гг. взяты из: [Горшков, Петухов, 2015: 22].

Большинство россиян считают, что страны, ставшие противниками России, просто по определению не могут быть «хорошими» и иметь положительные оценки, а «друзья» российского правительства также по определению должны их получать. Это одна из форм политической лояльности, поддержки россиянами существующего политического режима, который (перефразируя У. Черчилля) в их глазах, может быть, и плох, но остальные потенциально возможные режимы кажутся ещё худшими.

Подобная гибкость внешнеполитического менталитета россиян имеет, безусловно, существенные отрицательные последствия: политические решения правительства не столько ограничиваются народными симпатиями/антипатиями, сколько сами формируют их (т. е., по К. А. Виттфогелю, «государство сильнее, чем общество»). В то же время в ней есть и определённый плюс. В умонастроениях россиян нет образа «страны зла», с которой ни за что нельзя «дружить». Люди готовы, независимо от истории прошлых конфликтов, давать не слишком критические оценки любой стране, которая в настоящее время поддерживает невраждебные отношения с Российской Федерацией (это видно на примере Грузии).

Российское антизападничество, таким образом, хотя объективно и обусловлено «столкновением цивилизаций», но *сильно зависит от политической конъюнктуры* и может варьироваться в относительно широких границах. Поэтому вряд ли можно сомневаться, что когда российский президент на очередном Валдайском (или ином) форуме выскажется в адрес Америки и Запада в духе «гитлеры приходят и уходят, а германский народ остаётся», то это быстро приведёт к очередной «разрядке напряжённости». Правда, воспринимать Запад как друзей современное поколение россиян тоже слишком массово не станет, какие бы либералы ни пришли к власти, — просто российско-европейское «столкновение цивилизаций» в очередной раз перейдёт из фазы конфликта в фазу конкурентного сосуществования.

Список литературы

Горшков М. К., Петухов В. В. Внешнеполитические ориентации россиян на новом переломе // Полис. Политические исследования. 2015. № 2. С. 10–34.

Казун А. Д. Эффект «galley around the flag». Как и почему растёт поддержка власти во время трагедий и международных конфликтов? // Полис. Политические исследования. 2017. № 1. С. 136–146.

Нуреев Р. М., Латов Ю. В. Экономическая история России (опыт институционального анализа). М.: КНОРУС, 2016. 268 с.

Петухов В. В., Седова Н. Н. Внутренние угрозы vs внешние угрозы для России: динамика общественных настроений // Власть. 2015. № 6. С. 23–29.

Попов Н. П. Общественное мнение в России и США о российско-американских отношениях // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 3. С. 55–67.

Российское общество и вызовы времени. Кн. 5 / [М. К. Горшков и др.]; Под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М.: Весь Мир, 2017. 424 с.

Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс]: Российская газета. 15 мая 2017 г. URL: <https://rg.ru/2017/05/15/prezident-ukaz208-site-dok.html> (дата обращения: 26.09.2017).

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. Политические исследования. 1994. № 1. С. 33–48. (Перевод: *Huntington S. P.* The clash of civilizations? // Foreign Affairs. Vol. 72. № 3. (Summer, 1993). P. 22–49.)

Чугров С. В. Понятие внешнеполитического менталитета и методология его изучения // Полис. Политические исследования. 2007. № 4. С. 46–65.

Merton R. K. Social theory and social structure. Glencoe: Free Press, 1957.

Дата поступления в редакцию: 28.08.2017.

DOI: 10.19181/snsp.2017.5.4.5522

Anti-Westernism in the External Political Mentality of Present-Day Russians (According to Sociological Surveys)

Latov Yury Valerievich

Doctor of Sociology, Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Institute of Sociology FCTAS RAS. Moscow, Russia; Krzhizhanovskogo str., 24/35, build 5, 117218, Moscow, Russia; Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow. Leningradsky pr., 49, 125993, GSP-3, Moscow, Russia; Senior Staff Scientist, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Zoe and Alexander Kosmodemyanskiy Str., 8, 125171, Moscow, Russia. E-mail: latov@mail.ru

Abstract. The article considers increasing anti-Westernism, the negative attitude to Western countries, in the consciousness of the Russians in 2000–2010. Present-day understanding of relations between Russia and the West is first of all analyzed in the context of discussing the threats to safety of Russia. The author emphasizes that the start of the 2010s marked stepwise “de-liberalization” of the external political mentality, and today’s main leitmotiv of public consciousness in understanding the threats to the country’s national development is the confrontation between Russia and the West. To specify the objects and dynamics of anti-Westernism, the attitude of the Russians to different countries is further analyzed. It was found that western countries are evaluated in the public consciousness at the positive perception scale lower than almost all eastern countries (even lower than Japan which participates in sanctions against Russia). At the same time, we may observe considerable differentiation in the attitude of the Russians to western countries. Present-day Russian anti-Westernism is first of all anti-Americanism, negativism toward the USA. Even the closest US allies from EU countries (like Germany and Great Britain, for example) are evaluated in a more positive way. At the same time, the attitudes of Russian citizens do not have the image of the “evil country”: regardless of the history of past conflicts, the

Russians are ready to give not too critical evaluations to any country which now keeps up non-hostile relations with the Russian Federation (like, for example, Georgia). Thus, though the Russian anti-Westernism is to a considerable degree conditioned by the “conflict of civilizations”, it largely depends on the political situation and may vary rather greatly.

Keywords: Russia; public opinion; foreign policy mentality; security threats; anti-westernism; anti-americanism, «clash of civilizations».

REFERENCES

Chugrov S. V. Ponyatie vneshnepoliticheskogo mentaliteta i metodologiya ego izucheniya [The Notion of Foreign Policy Mentality and Methodology of Its Study]. *Politicheskiye issledovaniya*. 2007. No. 4. P. 46–65 (In Russ.).

Gorshkov M. K., Petukhov V. V. Vneshnepoliticheskie orientacii rossiyan na novom perelome [Foreign Policy Orientations of the Russians: a New Turn. Polis]. *Politicheskiye issledovaniya*. 2015. No 2. P. 10–34 (In Russ.).

Kazun A. D. Effekt «rally around the flag». Kak i pochemu rastet podderzhka vlasti vo vremya tragedij i mezhdunarodnyh konfliktov? [«Rally Around the Flag» Effect. How and Why Support of the Authorities Grows During International Conflicts and Tragedies?]. *Politicheskiye issledovaniya*. 2017. No 1. P. 136–146 (In Russ.).

Kotkin S. Vechnaja geopolitika Rossii. Putin vozvrashaetsia k istoricheskim korniam. [Russia's Perpetual Geopolitics. Putin Returns to the Historical Pattern]. [Elektronnyi resurs]. Russia in Global Affairs. 2016. № 4 URL: (data obrashchenija: 26.09.2017) (In Russ.).

Petuhov V. V., Sedova N. N. Vnutrennie ugrozy VS vneshnie ugrozy dlya Rossii: dinamika obshchestvennyh nastoenij. [The Internal Threats VS the External Threats to Russia: the Dynamics of Public Opinion]. *Vlast'*. 2015. No 6. P. 23–29 (In Russ.).

Popov N. P. Obshchestvennoe mnenie v Rossii i SSHA o rossijsko-amerikanskih otnosheniyah. [Public opinion on Russian-american relations in Russia and the USA]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ehkonomicheskie i social'nye peremeny*. 2015. No 3. P. 55–67 (In Russ.).

Rossiiskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga pervaya. [Russian Society and the Challenges of Time. Book 1.]. Ed. by M. K. Gorshkov, V. V. Petukhov. Moscow: Ves' Mir publ., 2015. 336 p. (In Russ.).

Rossiiskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga pyataya. [Russian Society and the Challenges of Time. Book 5.]. Ed. by M. K. Gorshkov, V. V. Petukhov. Moscow: Ves' Mir publ., 2017. 424 p. (In Russ.).

Huntington S. P. The clash of civilizations? *Foreign Affairs*. Vol. 72. № 3. (Summer, 1993). P. 22–49.

Merton R. K. Social theory and social structure. Glencoe: Free Press, 1957.

Date received by 28.08.2017.